

РЕЦЕНЗИИ

А. Г у д а в и ч ю с. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. — Вильнюс: Мокслас, 1985. — 175 с.

Название книги А. Гудавичюса несколько шире ее содержания, поскольку, во-первых, в ней по существу предпринята лишь попытка сопоставления фрагментов семантических систем русского и литовского языков, а во-вторых, в книге затрагиваются и с различной степенью глубины анализируются почти все основные проблемы современной теоретической семантики. Этим проблемам полностью посвящена первая часть книги, значительное место они занимают и во второй, собственно сопоставительной части.

Считаю необходимым сразу же сделать два замечания по поводу принятой автором терминологии.

Теоретическую семантику автор, следуя несколько устаревшей немецкой традиции, называет *семасиологией*. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой эти термины считаются синонимами, однако на практике учение о лексическом значении слова обычно называется „(теоретической) семантикой“. О большей распространенности последнего термина свидетельствует уже тот факт, что на первой странице своей книги А. Гудавичюс при ссылках на других авторов вынужден оперировать именно этим термином, а при рассуждениях от своего имени — термином „семасиология“.

В значении почти общепринятого

термина „лексема“ автор использует слово „семема“, что неточно с точки зрения логики лингвистического анализа. Ведь не называем мы фонему „признаковой“ на том основании, что раскладываем ее на признаки. Сема — аналог дифференциального и интегрального признаков в семантическом анализе и по логике вещей то, что она различает, не может называться термином „семема“.

В теоретической части работы А. Гудавичюс много внимания уделяет теории и практике семного анализа. Он справедливо утверждает, что „роль компонентного анализа при изучении системных отношений в лексике не подлежит сомнению“ (с. 20). Возражение здесь вызывает его положение о том, что „...и лексическое значение, и сема — явления одного порядка“ (с. 21). Ведь лексическое значение — это явление языка, а сема — термин метаязыка описания значения. Иными словами, сема имеет метаязыковое значение; смешивать же понятия языка-объекта и языка-описания логически неверно.

А. Гудавичюс вслед за Г. В. Колшанским принимает, что „контекст фиксирует, а не уточняет те или иные значения слов“; „эта концепция представляется нам наиболее соответствующей сущности описываемых явлений“, — замечает автор (с. 27). И далее: „Мы придерживаемся... точки зрения, что все особенности лексического значения так или иначе отража-

ются (не predeterminedляются, а отражаются, имеют аналог) в его сочетаемости" (с. 29). Основываясь на данных положениях, автор строит синтагматическую методику определения семного состава значения (с. 33 и след.). Вводится два основных правила: „Если семема А свободно сочетается с семемами Б, В, Г, Д... в однотипной синтаксической позиции, то в значении семемы А имеется сема, которая является общей для семем Б, В, Г, Д..." (с. 34); „если семема А не может сочетаться с семемой Б, в значении которой явно имеется сема х, это свидетельствует о том, что в значении семемы А имеется взаимоисключающая сема \bar{x} " (с. 35–36).

Идея о том, что реализация любого значения лексемы связана с определенными ее дистрибутивными характеристиками или, говоря словами автора, что „все содержание значения подтверждается в его синтагматических признаках" (с. 35), требует дальнейшего теоретического осмысления и практической апробации. По примерам, приведенным в книге, видно, что синтагматическая методика определения сем лексемы тем более эффективна, чем уже сочетаемость слова (т. е. чем „больше сила семантического согласования", с. 31). Если слово сочетается только с одним словом, то, по мнению автора, „значение одного слова полностью входит в значение другого" (с. 32). Так ли это? Напр., *(за)жмурить* сочетается только со словом *глаза* (*глаз*); то, что оно включает сему 'о глазе, глазах', несомненно. Но имеет ли лексема *глаз* (*а*) сему 'жмурить (ся)'? И можно ли, анализируя контексты со словом *жмурить (ся)*, установить, что оно включает семы 'прикрыть глаза' и 'веки'? Нельзя же сказать **зжмурить веками*, а о том, что *зжмурить (ся)* включает сему 'закрывать', можно только догадываться (ср.: *жмурить глаза от солнца*).

С другой стороны, вряд ли синтагматический анализ эффективен при

определении семного состава лексем с относительно свободной сочетаемостью. Так, *сладкий* сочетается со словами *мед, сок, яблоко, морковь, чай, соус, каша, блюдо, сорт чего-л.* (см. „Словарь сочетаемости слов русского языка". – М., 1983). Означает ли это, что сема 'сладкий' присуща всем лексемам, которые сочетаются со словом *сладкий*? И наоборот, значит ли, что лексема *сладкий* имеет семы 'мед' и т. д.? Вряд ли.

Вообще, само понятие семы как единицы метаязыка не может возникнуть без парадигматического анализа. В речи мы имеем дело только и только с дистрибуцией единиц. Разложение их на признаки (т. е. установление *значимости*) происходит при явном или неявном парадигматическом анализе, необходимым этапом которого в лексике является приписывание слову значения в явном виде (т. е. его толкование). Толкование может быть неточным, предварительным, грубым, ошибочным, но без этой операции наблюдаемая единица – слово – не имеет никаких семантических дифференциальных или интегральных признаков (сем). Слово с приписанным ему в явном виде значением приобретает статус лексемы (единицы языка). После этого начинается более глубокое исследование ее семантической структуры – осуществляется целенаправленный анализ ее парадигматических связей и синтагматических свойств. Таким образом, дело не просто в том, что, как отмечает А. Гудавичюс, „не следует думать, что при помощи синтагматического анализа можно решить все проблемы определения содержания значения" (с. 37), но в том, что такой анализ просто невозможен без предварительного парадигматического анализа. В этом смысле логика лингвистического анализа на уровне лексиконизоморфна логике фонологического анализа. Заслуга А. Гудавичюса в том, что он, опираясь на наблюдения своих предшественников, наглядно демон-

стрирует возможности семантического – дистрибутивного анализа на значительном материале двух языков и, таким образом, побуждает к дальнейшим исследованиям в этой области.

„Общий принцип сопоставительной семасиологии – сопоставление лексических систем языков через их „изменение“ при помощи когнитивной системы – в конкретном исследовании выражается в том, что в качестве метаязыка используются семы, имеющие универсальный характер“ (с. 47).

Во второй части работы А. Гудавичюс описывает типы отношений между эквивалентными значениями литовского и русского языков (отношения тождества, включения, пересечения), а также демонстрирует возможности сопоставительного описания многозначных слов, типов метафоризации слов и семантических групп (с общим значением психической деятельности); особый раздел посвящен сопоставительному описанию сложной по структуре семантической группы „идти“.

Автором рассмотрен значительный по объему лексический материал сопоставляемых языков, приведены многочисленные контексты, подтверждающие выделение тех или иных сем, и изложены интересные наблюдения о структуре, содержании и различиях в значении сопоставляемых слов. Обращает на себя внимание небольшой раздел о зооморфизме (с. 93–103), здесь автор интересно дискутирует с С. Росинене, исследовавшей литовские зоонимы. По этому разделу особенно наглядно видно, насколько сопоставительное описание становится богаче, когда имеются предварительные разработки по семантике сравниваемых языков. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что такое описание не только опирается на данные словарей (в том числе и переводных), но и само служит как теоретической, так и практической базой для создания адекватных и глубоких двуязычных словарей. В этом заключается, по нашему мне-

нию, одно из важнейших практических значений сопоставительного описания лексики наряду со значениями для лингводидактики и для решения философских проблем языкознания, на что указывает А. Гудавичюс (с. 156–166).

В материале, приводимом автором, обращает на себя внимание значительное количество узкодialekтных слов как литовского, так и русского языков. Такое расширение рамок сопоставления оправдано при решении теоретических проблем, но размывает сам объект при сопоставительном описании конкретных языков.

Литература, на которую опирается автор, далеко не исчерпывает публикаций по затрагиваемым им проблемам. Вряд ли имеет смысл просто отмахнуться от всех работ, выполненных в рамках порождающей семантики; ведь именно в них со всей полнотой были поставлены проблемы взаимодействия контекста и значения, так интересующие автора. Обращает на себя внимание и то, что А. Гудавичюс не использовал двухтомной работы Дж. Лайонза (Lyons J. Semantics. T. 1–2. – Cambridge, 1977), работ В. В. Мартынова, даже не упоминает о существовании „Семантического словаря русского языка“; стоило бы отметить, что в советском языкознании чуть ли не впервые проблема описания „национального своеобразия“ в значении слов была поставлена В. А. Звегинцевым в его „Семасиологии“ (М.: МГУ, 1957).

Наши замечания не ставят под сомнение общей ценности монографии А. Гудавичюса. Это содержательная и интересная работа, написанная мыслящим и ищущим автором, владеющим техникой и логикой научного анализа, умеющим излагать свои мысли последовательно, четко и ясно. В книге много удачных формулировок, в которых сжато и исчерпывающе представляется сущность рассматриваемых явлений.

Выход этой работы сразу сделал устаревшими в теоретическом отношении многочисленные наблюдения методистов о речевых ошибках литовских школьников, изучающих русский язык. То, что такие ошибки можно прогнозировать, было ясно и без предварительных изысканий, однако методика сопоставительного анализа, контуры которой намечены А. Гудавичюсом, наглядно показывает, каким образом это следует делать. Но все же автор монографии мог бы шире привлекать сведения о речевых ошибках для демонстрации своих теоретических положений.

В общем, монография А. Гудавичюса является заметным и весомым вкладом в литовскую русистику, дальнейшее развитие которой связано, по нашему мнению, и с сопоставительными исследованиями.

Думается, рецензируемая монография послужит также толчком для дальнейшего развития теоретических исследований по семантике современного литовского языка.

Наконец, особо хотелось бы отметить, что работа А. Гудавичюса представляет собой ценное пособие по курсу лексики русского языка для студентов вузов республики.

В. Чекмонас

Т. Н. М о л о ш н а я. Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках. — М.: Наука, 1985. — 257 с.

Необходимым условием сопоставительных исследований являются четкие и однородные описания отдельных языков, так как только такие описания и могут служить базой для общетипологических обобщений. Именно таким исследованием, обеспечивающим надежную базу для общетипологического исследования и при этом обладающим необходимой научной строгостью и глубиной, представляется рецензируемая книга.

Данная работа является продолжением ранее опубликованной монографии, посвященной субстантивным словосочетаниям в славянских языках¹. Исследовав на материале пяти славянских языков (русского, польского, чешского, сербохорватского и болгарского) систему субстантивного словосочетания, его моделей и выражаемых ими значений, исследователь переходит в новой книге к рассмотрению адъективных словосочетаний тех же языков, стремясь охватить таким образом всю обширную систему именного словосочетания, присущую славянским языкам. Материал второй книги оказывается тесным образом связан с материалом первой, основные теоретические положения остаются общими для обеих частей.

В исследовании адъективных словосочетаний славянских языков автор исходит из концепции словосочетания, преобладающей в настоящее время в работах советских лингвистов, посвященных проблемам словосочетания. Словосочетание она считает бинарной единицей, основанной на подчинительной связи и не обладающей коммуникативностью. Свободное словосочетание не является единицей языка, оно создается в речи.

Элемент новизны придает исследованию привлечение в качестве объекта сопоставления румынского языка. Румынский язык не относится к славянским, здесь исследователь выступает, говоря словами автора, „в новую языковую стихию“, в мир романских языков. Однако румынский бытует в окружении славянских языков и обладает многими характерными особенностями, сближающими его со славянскими языками. Моментов расхождений между румынским и славянскими языками обнаруживается много в силу того, что славянские языки в основном

¹ М о л о ш н а я Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. — М., 1975.

представляют собой языки флективно-го строя (единственным исключением в данном отношении в системе имени является болгарский язык), румынский же обнаруживает черты как флективного, так и аналитического строя: несмотря на то, что в нем имеются падежные противопоставления, как в большинстве славянских языков, падежных форм в нем всего две, вследствие чего в системе именного словосочетания основным средством выражения грамматических отношений являются предлоги (как в болгарском). Кроме того, румынский представляет в данном случае не только романские языки, но и языки балканского языкового союза; славянские языки также представлены во всех группах – восточные, западные и южные, при этом западные славянские языки рассматриваются на примере не одного, а двух языков, как и южные. В типологическом исследовании оказывается охваченным, таким образом, очень большой ареал, что уже само по себе повышает ценность работы. Привлечение румынского языка, обнаруживающего много точек соприкосновения с другими языками балканского союза, в который входят также два из рассматриваемых славянских языков – болгарский и сербохорватский, дает возможность четче отграничить, „оттенить“ славянские языки от неславянских, балканские от небалканских с учетом также и небросающихся в глаза явлений.

Рецензируемая книга состоит из введения (24 с.), семи глав и заключения. После шести глав (по числу рассматриваемых языков) следует глава, посвященная переразложению субстантивных словосочетаний в адъективные, где все рассматриваемые языки исследуются в совокупности. Эта глава, соединяющая объекты обеих монографий, посвящена изучению живого процесса, имеющего место в сфере устной разговорной речи и объединяющего славянские языки между собой и с языками балканского языкового союза.

К числу важнейших достоинств монографии Т. Н. Молошиной следует отнести четкость ее построения, почти скрупулезную упорядоченность изложения, строгое следование единой схеме анализа при отсутствии впадения в схематизм.

В основу анализа положен формальный признак модели, после чего выносятся соответствующие данной модели отношения компонентов. В случае необходимости автор прибегает к методу перефразирования (трансформаций). Большое внимание уделяется синонимичности разных моделей внутри одного языка, так же как и меж-языковой синонимии. Таким образом, как пишет автор, был „выбран путь от плана выражения к плану содержания“ (с. 22). Подчиненность всего исследования формальному принципу, способствующему упорядочению материала, принципу исследования „по моделям“ и „по схеме“ не означает, что проблема собственно семантических отношений компонентов словосочетания отодвигается на второй план. Сопоставление происходит в рамках модели, но и формальная, и функциональная стороны в равной степени важны для исследователя. При этом в выработке единой схемы автору сознательно пришлось допустить некоторые огрубления, вызванные несовпадением в грамматическом строе языков, однако таким образом автору удается сохранить общую схему, что для него в данном случае важнее. Так, болгарский язык не имеет падежных форм, поэтому фактически сопоставление идет лишь по предлогам, по их материальному выражению, ср. сопоставление чешской модели „Прил. + предл. + Суш.-вин.“, куда попадает словосочетание с предлогом *na: krásný na pohled*, и модели „Прил. + предл. + Суш.-предл.“, куда также попадает сочетание с предлогом *na: slabý na žuchi*, и недифференцированную болгарскую модель с тем же предлогом. Аналогично приходится автору посту-

пять и с компаративом, который представляет собой неизменяемую форму лишь в русском, но все же выделяется в работе в отдельный класс в целях сохранения единообразия. Здесь, правда, автором допущена неточность: на с. 133 читаем: „В отличие от русского и болгарского и подобно польскому, чешский компаратив изменяется по падежам, родам и числам”. В действительности болгарский компаратив ближе к польскому и чешскому, чем к русскому, об этом и говорится, но уже более точно, на с. 151. Видеть же какую-то особую близость болгарского компаратива к русскому только на основании неизменяемости по падежу вряд ли правомерно, поскольку падежная неизменяемость характеризует не только сравнительную степень, но и прилагательное в целом, равно как и существительное в болгарском языке.

Материалом исследования послужили словари и грамматики соответствующих языков, отдельные специальные исследования и некоторое количество текстов, отражающих явления современной живой речи (с. 6). Последнее обстоятельство представляется особенно важным и ценным. Материал живой речи, собранный в основном из книг и журналов, отражающих разговорную стилистику современных славянских языков, рассчитанных на массового читателя, таких как „Ректор”, журналы мод и другие подобные издания, дал возможность выявить тенденции развития современных славянских языков в области адъективных словосочетаний, в частности стирание противопоставления между полными и краткими прилагательными, появление все большего числа сочетаний прилагательных с качественными наречиями², появле-

ние способности к управлению у все большего числа прилагательных. Этот процесс, чрезвычайно характерный для современного русского языка, оказывается, не менее характерен и для польского, и для болгарского, но практически не затрагивает чешского языка.

В результате подробного и тщательного анализа автору рецензируемой монографии удалось выявить общий тип славянской адъективной сочетаемости, объединяющий именно славянские языки, в том числе и болгарский, и противостоящий неславянскому — румынскому, несмотря на общую близость языковой системы болгарского и румынского языков. Этот вывод представляет собой несомненное достижение автора, и он наверняка будет использоваться в науке. Не меньшую научную ценность представляет и вывод о том, что сходства славянских языков в области адъективной сочетаемости совпадают со сходствами в области субстантивной сочетаемости (с. 244).

В результате проделанного анализа Т. Н. Молошная устанавливает следующее соотношение языков по степени близости их грамматической структуры: помещенный в центр схемы русский язык (как наиболее полно представленный и родной язык автора), с одной стороны, оказывается самым близким соседом польского языка,

таниям в современном русском языке вообще свойственно переходить в сложные прилагательные, и не только тем, которые представляют собой цветообозначения (ср.: С и д о р е ц В. Особенности употребления и образования сложных прилагательных в прозе И. А. Бунина. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978, с. 239). Аналогичный процесс испытывает, по-видимому, и польский язык (ср.: A g t o w n a I. Razem czy osobno? Zasady pisowni łącznej i rozdzielnej ze słownikiem. — Warszawa, 1972, s. 5—25).

² Как справедливо указывает Т. Н. Молошная, эти словосочетания необходимо отличать от сложных слов, обозначающих оттенки цветов, напр., пепельно-серый и т. п. Однако она не упоминает о том, что таким соче-

к которому примыкает чешский, несколько более отличающийся от русского. С другой стороны, русский язык соседствует с сербохорватским, за которым следует болгарский. Румынский язык соприкасается с семьей славянских языков в первую очередь через посредство болгарского, с которым он имеет достаточно общих черт в грамматической структуре.

Этот вывод, хотя и не является чем-то новым, также очень важен. Данное соотношение подтверждает принятое в науке деление на западные славянские языки, восточнославянские языки и южнославянские, или славяно-балканские языки. Естественно, что румынский язык как балканский оказывается ближе всего к славяно-балканским языкам. Подтверждение известных в науке истин может быть не менее важным, чем новые идеи или открытия. Книга Т. Н. Молошной в совокупности ее обеих частей будет, безусловно, способствовать дальнейшему сопоставительному изучению современных славянских языков, их грамматических систем.

С. И. Неделяева-Степонавичене

Manfred Aumayer. *Historische Untersuchungen an Bezeichnungen von Musikinstrumenten in der russischen Sprache*. — Wien: VWSÖ, 1985 (Dissertationen der Universität Wien, 169). — 177 S.

Рецензируемая работа, выполненная австрийским ученым М. Аумауэром под руководством проф. Ф. Марша, удачно сочетает в себе языковедческие и музыковедческие интересы исследователя. Основу весьма интересного исследования составили уникальные по своему составу материалы Картопки древнерусского словаря, хранящиеся в Институте русского языка АН СССР¹. Для 55 слов, обозначающих

музыкальные инструменты или их части, установлена первичная дата фиксации их в памятниках письменности („Приключение Фенистоукла. Соч. Федора Эмина“; „Вести-Куранты“; „Письма князя Курбского к разным лицам“; „Грамота Смоленского князя Федора рижанам о колоколе“; „Мерило праведное“; „Палея толковая“; „Житие Феодосия Печерского“; „Толковая псалтырь“ и др.), что позволяет в известной степени говорить и о распространенности их в языке того времени. Напр., слово *альт* зафиксировано в памятнике 1731 г., слово *балалайка* — в 1715 г., слово *гитара* — в 1734 г., слово *клавесин* — в 1760 г., слово *кларнет* — в 1766 г., слово *орган* — в 1738 г., слово *рояль* — в 1863 г., слово *тромбон* — в 1847 г., слово *флейта* — в 1677 г., слово *цимбалы* — в 1617 г. и т. д.

В результате тщательных этимологических разысканий автору удалось установить, что значительную часть этих слов составляют заимствования из различных языков: французского, польского, греческого, итальянского, немецкого, позднее — из чешского, украинского, татарского, казахского и др. Исконно русскими автор считает слова: *балалайка* (с. 18–20), *бубен* (с. 20–22), *волынка* (с. 23–24), *гудок* (с. 24–26), *гусли* (с. 26–28), *дудка* (с. 29–32), *колокол* (с. 32–36), *пищаль* (с. 36–38), *рог* (с. 39–41), *свирель* (с. 41–43), *скрипка* (с. 44–47), *смычок* (с. 47–50), *сопéль* (с. 50–52), *струна* (с. 52–54), *целница* (с. 55–57).

К числу заимствований в русском языке исследователь относит: *альт* (с. 58–59), *арфа* (с. 60–62), *бандура* (с. 62–64), *барабан* (с. 64–65), *валторна* (с. 66–68), *варган* (с. 69–71), *виолончель* (с. 71–74), *гармоника* (с. 74–76), *гитара* (с. 76–78), *зобой* (с. 79–81), *домра* (с. 81–83), *душка* (с. 84), *зурна* (с. 84–86), *инструмент* (с. 86–88), *канифоль* (с. 88–90), *киме́л* (с. 91–92), *клавесин* (с. 92–94), *клавикорды* (с. 94–96), *кларнет* (с. 96–98), *концертино* (с. 98–99),

¹ В течение 1975–1976 гг. автор имел возможность работать над материалами Картопки, хранящимися в Москве и Ленинграде.

лира (с. 99–101), *литары* (с. 101–102), *лютя* (с. 103–104), *музыка* (с. 104–106), *орган* (с. 106–109), *оркестр* (с. 109–111), *рояль* (с. 111–112), *саксофон* (с. 112–113), *сарюзофон* (с. 113–114) и др.

Нельзя не согласиться с автором, что большая часть заимствований, и довольно значительная, проникает в русский язык в период с начала XVII в. и до середины XIX в.

В работе использован широкий круг источников: практически привлечены все этимологические словари, музыкальные энциклопедии (под ред. Ю. Келдыша), теоретические работы советских исследователей: В. В. Колесова (Колесов В. В. Ударение заимствованных слов в русских памятниках

XVI–XVII вв. – В кн. Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972), В. Н. Топорова (Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. – ВЯ, 1960, № 3), О. Н. Трубачева (Трубачев О. Н. Лексикография и этимология. – В кн. Славянское языкознание. М., 1973), Е. М. Иссерлин (Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. – М., 1961) и мн. др.

В целом книга Манфреда Аумауэра представляет большой интерес для историков языка, особенно для тех, кто занимается исследованием лексико-семантических групп.

Л. Судавичене